Панова Анна Александровна

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ДНЕВНИКАХ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА ФЕДЧЕНКОВА 1926-1948 ГОДОВ

Обращение к исследованию дневников религиозных деятелей, традиционно получавших хорошую лингвистическую подготовку, предоставляет возможность подвергнуть лингвистическому анализу отражение авторских рефлексий, предметом которых выступают язык, построение публичной речи, ее качества, процесс написания текста и т.д. Данная статья посвящена анализу отражения в языке дневников митрополита Вениамина Федченкова 1926-1948 гг. представлений об идеальном публичном выступлении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 140-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 808.5
Филологические науки

Обращение к исследованию дневников религиозных деятелей, традиционно получавших хорошую лингвистическую подготовку, предоставляет возможность подвергнуть лингвистическому анализу отражение авторских рефлексий, предметом которых выступают язык, построение публичной речи, ее качества, процесс написания текста и т.д. Данная статья посвящена анализу отражения в языке дневников митрополита Вениамина Федченкова 1926-1948 гг. представлений об идеальном публичном выступлении.

Ключевые слова и фразы: дневник; религиозный дискурс; публичная речь; качества речи; цитата; сентенция.

Панова Анна Александровна
Южный федеральный университет
Panyann@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ДНЕВНИКАХ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА ФЕДЧЕНКОВА 1926-1948 ГОДОВ©

Дневники религиозных деятелей представляют собой широкое поле для лингвистических исследований по многим причинам, в частности благодаря их образности и выразительности, обеспечиваемым качественной языковой подготовкой священнослужителей, и повышенному интересу священников к филологическим аспектам своей деятельности. Дневниковые записи митрополита Вениамина Федченкова (532 страницы) привлекают исследовательское внимание своей акцентированностью на языковых тонкостях и метапрозаической рефлексии.

Материалом для исследования послужила выборка объемом в 376 языковых единиц разного рода из упомянутых выше дневников. Цель данной работы заключается в анализе способов отражения в текстах исследуемых дневников метапрозаической рефлексии автора. Было выявлено 23 фрагмента, в которых предметом рефлексии предстают процессы подготовки речей, т.е. устных текстов, выступлений с ними (десять случаев) и прослушивания этих выступлений (один случай), написания (семь случаев) и чтения письменных текстов (четыре случая), а также размышления о людях, преуспевших в указанных процессах (один случай).

Обратимся к анализу фрагментов, в которых находит свое отражение осмысление автором процессов, связанных с подготовкой публичных выступлений (качествами речи) и их презентацией. Прежде всего, отметим, что размышления митрополита Вениамина об устных текстах носят общий, в какой-то мере философский характер. Публичные устные выступления нередко имеют тесную связь с феноменом слова в религиозном дискурсе, что отразилось в некотором слиянии в сознании священнослужителя рассуждений о публичных выступлениях людей и слове Божьем: и то и другое часто репрезентируется при помощи лексемы *слово*, которая в тексте дневников встречается в значениях ‗то же, что речь‘ [9], ‗что-нибудь сказанное‘ [Там же], ‗краткое выступление перед слушателями‘ [Там же], ‗разговор, беседа‘ [8, с. 731].

Прежде всего, митрополит Вениамин обосновывает ценность дара слова, речи. В стремлении осмыслить важность своих публичных выступлений Федченков рассуждает о феномене слова вообще, что в религиозном дискурсе немыслимо без упоминания о слове как атрибуте Бога (*здесь и далее курсив принадлежит автору дневников, полужирный шрифт автора статьи – А. П.*): «”Но **для слова Божия нет уз**”. Ибо самые узы еще **лучше говорят, чем язык**» (2 Тим. 2, 1-10) [7, с. 224]; «”Не хлебом одним будет жить человек, *но всяким словом, исходящим из уст Божиих*”» (Втор. 8, 3) [Там же, с. 266]. Интересным представляется противопоставление в первом фрагменте *слова* и *языка*. В данных примерах разграничение этих понятий связано с принадлежностью речи соответственно Богу и человеку: лексема *язык* здесь, очевидно, употреблена в значении ‗орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей‘ [5, с. 780], т.е. для обозначения атрибута человека. Таким образом, на противопоставлении построены оба фрагмента: в первом случае *слова* (Божьего атрибута) и *языка* (атрибута человека), во втором – материального и духовного благ, репрезентированных соответственно лексемами *хлеб* и *слово*.

Однако от Бога дар слова получил и человек. Отсюда возникает осознание ответственности за употребление тех или иных слов и выражений. Поэтому в дневниках о. Вениамина появляется требование тщательно осмыслять то, что он собирается говорить или даже подумать (*полужирный шрифт автора статьи – А. П.*): «”чтобы **ум** заключался в словах, которые **говорим** или **помышляем**”» (Св. Каллист и Игнатий Ксанфопулы) [7, с. 37]. Подчеркивается необходимость внимательного отношения с точки зрения рациональности не только к речи (т.е. к проговоренным словам), но и к самому процессу вербального оформления идеи в мышлении.

Митрополит Вениамин подчеркивает силу слова, принадлежащего когда-то исключительно Богу, при помощи отождествления в некоторых случаях понятий *слово* и *молитва*. Рассмотрим пример: «”Бог оказывает благодеяния Своим врагам делом, а ты совершай их по крайней мере *словом – молись за врага*”» (Св. Иоанн Златоуст) [Там же, с. 520]. Впрочем, молитва, являясь сакральным словесным действом, действительно неразрывно связана с религиозным пониманием слова, при этом произносимого вслух, что подчеркивается в толкованиях лексемы *молитва* в словарях [3, с. 290; 8, с. 362]. Кроме того, молитва как религиозный

© Панова А. А., 2014

обряд, проводимый при богослужении, с формальной стороны сближается с публичными выступлениями, поскольку читается в присутствии большого количества прихожан, но содержательно всегда остается актом глубоко личным, исповедальным: произнося один и тот же текст, каждый человек обращает к Богу свою личную просьбу, признается в своих личных грехах и т.д.

Связь человеческой способности к построению речи со словом как Божьим атрибутом подчеркивается в дневниках митрополита Вениамина через напоминание об отсутствии необходимости готовить свои выступления, поскольку нужные слова, являясь изначально «собственностью» Бога, будут даны Им в соответствующий момент (*курсив автора дневников – А. П.*): «*Не готовьте речей: дастся* в тот час, что говорить» [7, с. 224]. Отметим, что автор выделил во второй части предложения (после двоеточия) только глагол *дастся*, подчеркивающий главную идею о том, что подходящие слова будут посланы Богом, Которому они принадлежат.

Рассуждая о публичных выступлениях, Вениамин Федченков чаще отмечает необходимость следить за чистотой речи. Рассмотрим примеры (*полужирный шрифт автора статьи – А. П.*): «Будем поэтому **хранить уста наши (не злословить)**, чтобы не говорить ничего не угодного Богу» (Иоанн Златоуст) [Там же, с. 521]; «И лучше бы, безопаснее бы ~~я~~ко безбедное страхом… любити убо нам удобее **молчание**"…» [Там же, с. 35]. Заметим вначале, что в первом приведенном фрагменте о. Вениамин приводит цитату из текстов богослова Иоанна Златоуста, о чем упоминает в своем дневнике, давая точную ссылку (том 11, страница 664). Второй фрагмент также включают в себя цитату, лишенную, однако, точной ссылки на первоисточник (несколькими страницами ранее в дневнике сказано, что автор собирается обратиться к богослужебным книгам, в частности к Октоиху [Там же, с. 29]). Таким образом, оба фрагмента не принадлежат Вениамину Федченкову, он лишь заимствует их для подтверждения своих мыслей.

Оба примера не просто проводят идею чистоты речи (*не злословить*), но подчеркивают идею необходимости воздержания от слов в некоторых обстоятельствах (*нам удобее молчание*). Подчеркнем: несмотря на то, что оба фрагмента заимствованы, требование *не злословить*, помещенное в скобках, является примечанием митрополита Вениамина, его личным пониманием фразы Иоанна Златоуста *хранить уста наши*, которая, скорее всего, обозначает фактическое молчание, а не свободу речи от обсценных выражений. Так, о. Вениамин при помощи небольшого замечания придает всему высказыванию иной смысл, отличный от того, который имел место в первоисточнике. Очевидно, автор дневников использует материал авторитетных источников для воплощения своих идей, а в случае когда первоначальная цитата имеет другое значение, он добавляет свой комментарий, корректирующий смысл высказывания.

Локализация данных фрагментов в начале и конце дневниковых записей также влияет на их интерпретацию: цитата из Октоиха, подчеркивающая способ умолчания как возможность избежать греха, находится в начале дневника, датирована 1926 годом, т.е. периодом, в который практически каждое публичное высказывание митрополита Вениамина подвергалось осуждению со стороны православных религиозных деятелей, находившихся с ним в эмиграции. Однако именно Вениамин Федченков был выбран опальным митрополитом Евлогием в качестве парламентера, что обязывало выступать автора дневников перед высшими духовными чинами (например, на Синодах). Оказавшись во враждебно настроенной аудитории, о. Вениамин нередко прибегал к приему умолчания по отношению к тем проблемам, которые, с одной стороны, он был обязан затронуть и по возможности решить в пользу митрополита Евлогия, чьи интересы он представлял, а с другой стороны, упоминание об этих проблемах именно от имени Евлогия делало практически невозможным достижение положительных результатов. Так, митрополит Вениамин стремился обсуждать больные вопросы либо наедине, либо в небольших аудиториях, а во время публичных выступлений перед всем собранием – указывать на проблемы, не вступая в дискуссию по поводу деталей. Во всяком случае, такие выводы можно сделать из подробных записей по итогам бесед с отдельными священнослужителями и достаточно скромных зарисовок по итогам выступлений на собраниях.

Фрагмент, который при помощи примечания митрополита Вениамина отсылает уже не к приему умолчания, а к соблюдению чистоты речи, находится почти в самом конце дневников и датирован 1948 годом. Записи этого периода сделаны Вениамином Федченковым уже после возвращения из эмиграции. Одной из основных тем для размышлений автора становится жизнь в послереволюционной России. Дневниковые записи о жизни в эмиграции свидетельствуют, что лояльность по отношению к советской власти была причиной многих бедствий автора. О. Вениамин всячески подчеркивал свое приятие нового строя. И все же при наличии в дневнике множества положительных отзывов о власти языковое их воплощение свидетельствует о противоположном отношении священника к политическому режиму (однако это заслуживает отдельного исследования и в настоящей работе не рассматривается). В условиях постоянной угрозы закрытия приходов священнослужители, в том числе и о. Вениамин, должны были исключить из своих проповедей даже намек на осуждение власти, не говоря уже о том, чтобы открыто подвергать ее отрицательной оценке. Поэтому одним из важных требований к своей публичной речи в тот период Вениамин Федченков признает следование цензуре: *не злословить* для него – не столько требование воздержаться от обсценных выражений, сколько попытка дать себе установку на избегание негативных высказываний о правящей партии.

Выступления, по мнению о. Вениамина, должны отвечать требованиям содержательности, логичности и точности в плане выражения. Рассмотрим два фрагмента: «…~~н~~никто да не обольщает вас **пустыми словами**, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления" (Еф. 5, 6)» [Там же, с. 204]; «~~Ч~~часто иной, **разглагольствуя** об истине от невежества своего, **говорит одно вместо другого, не умея сказать правильно**, как дело есть (по истине), и тем приводит в ужас слушающих, а на безмолвников (*вид монашества – А. П.*) наводит поношение и смех, неразумным своим действованием" (Св. Григорий Синаит)» [Там же, с. 343]; «Вот ныне лишь читал у апостола Павла: всякое **слово не должно быть ни гнилым, ни даже праздным**, – а должно

доставлять благодать слушающим (Еф. 4, 29)» [Там же, с. 425]. Отметим, что Вениамин Федченков, рассуждая о публичных выступлениях, приводит перечень отрицательных характеристик речи, которые он не хотел бы обнаружить в своих речах. Во всех трех примерах присутствует отрицательная частица *не,* маркируя данный негативный список. Так, не отвечающая требованиям речь описывается прилагательными *пустой*, *гнилой*, *праздный*, глаголом *разглагольствовать*, сочетанием отрицательной частицы с наречием – *не правильно*.

Все приведенные слова демонстрируют неприятие подобной речи. Лексема *пустой* в русском языке имеет значения ‗ничтожный, ничего не значащий' [2, с. 395], ‗бессодержательный, неосновательный' [8, с. 633]. Одним из значений лексической единицы *гнилой* является ‗не имеющий внутреннего стержня' [Там же, с. 134], что также отражает отношение Федченкова к логичности речи, мотивированной ее смысловым содержанием. Отметим, что прилагательное *гнилой* в качестве отрицательной характеристики речи встречается в нелитературной разновидности современного русского языка (см., например, фразеологизм *гнилой базар* со значением ‗бессмысленный или неприятный разговор', зафиксированный в словаре русского арго [6]). Лексема *праздный* тоже имеет негативные значения, в частности ‗пустой, в чем нет ничего дельного, полезного' [2, с. 361-362], ‗порожденный бездельем, бесполезный' [4, с. 357], ‗бесцельный, пустой' [Там же; 8, с. 578], характеризуя речь как лишенную содержательной основы. Относительно прилагательного *праздный* отметим наличие в его семантике указания на функционирование в качестве характеристики чего-то, порожденного бездельем, которое в христианском дискурсе считается одним из страшных человеческих пороков. Глагол *разглагольствовать* наряду с устаревшим уже нейтральным значением ‗беседовать, разговаривать' [1] имел и значение ‗высокопарная и длинная речь по-пустому' [Там же], да и в современном русском языке прочно связан с неоправданным многословием, избыточной протяженностью речи во времени, ср.: ‗говорить долго, многословно и бессодержательно' [8, с. 645; 9].

Таким образом, о. Вениамин использует упомянутый лексический набор применительно к речи как предмету размышлений и через негацию выражает свои требования к публичным выступлениям. Их главные параметры – содержательная наполненность речи, отсутствие пустословия, максимальная краткость. Выполнение указанных требований представляется Вениамину Федченкову обязательным для достижения основной цели речи – *доставлять благодать слушающим*. Значение абстрактного существительного *благодать* складывается из нескольких основных элементов. В древнерусском языке лексема *благодать* имела значение ‗добро, благодеяние, дар, милость Божья' [10, стб. 96-97], другими словами, идея благодати была связана с Богом и характеризовалась через другое абстрактное существительное – *добро* в значении ‗благо, нечто, противопоставленное злу' [Там же, стб. 674]. В современном русском языке значение лексемы *благодать* подвергается конкретизации: ‗благополучие, спокойствие, благоприятная, мирная обстановка, условия, доставляющие удовольствие, счастье' [9], с пометой «в религиозных представлениях» зафиксированы значения ‗сила, ниспосланная человеку свыше (первоначально – для исполнения воли Бога)' [8, с. 49], ‗вообще все то, что дается людям от Бога, по Его благодати' [9]. Следовательно, публичное выступление, по мнению митрополита Вениамина, должно одновременно достигать двух целей: с одной стороны, речь обязана служить средством передачи воли Бога (это к вопросу о содержании), с другой – она должна иметь соответствующее риторическое оформление, чтобы способствовать установлению мирной обстановки, спокойствию аудитории (к вопросу о формальной стороне).

Отметим, что Вениамин Федченков считал, что идеальные образцы соблюдения перечисленных выше требований к речи можно найти в текстах Писания и произведениях отцов Церкви. Однако благодаря приложенным к дневникам выпискам из цитируемых о. Вениамином текстов с его примечаниями (см. «Из святых отцов. Выписки для себя» [7, с. 313-392]) можно заметить, что помещенные в дневнике цитаты из произведений святых отцов далеко не всегда соответствуют тому фрагменту в первоисточнике, на который дается точная ссылка. Рассуждения цитируемых религиозных деятелей зачастую более пространны, чем те афористичные изречения, которые Вениамин Федченков приводит в своих дневниковых записях, отсылая при этом к какому-либо источнику. Так, многие сентенции, приписываемые Федченковым конкретным лицам, на самом деле оказываются его личными тезисами, составляющими квинтэссенцию смыслового содержания достаточно больших фрагментов из указанных первоисточников.

Как синтаксический прием Вениамином Федченковым востребован эллипсис, выражающийся в соединении нескольких предложений из цитируемого текста и трансформации их в одно изречение сентенционного типа путем исключения лишних, по мнению о. Вениамина, слов и целых выражений. При этом смысл обычно не искажается, изменению подвергается лишь форма. Однако имеются и другие случаи. Приводя цитату из Библии с точным указанием стиха и строк, Вениамин Федченков на самом деле, во-первых, соединяет два разных изречения, локализующихся в достаточно отдаленных друг от друга местах Писания, во-вторых, используя схожий лексический состав обеих трансформируемых им цитат, придает иной смысл сформированному им эллиптическому конструкту за счет помещения его в чуждый – с точки зрения смысла – первоначальным изречениям контекст (например, эллипсис в дневнике [Там же, с. 334] и его отсутствие в первоисточнике, указанном автором (1 Кор. 8, 1)). Таким образом, в дневниках митрополита Вениамина содержатся не только теоретические рассуждения о таких качествах речи, как содержательная емкость и краткость, но и практическая реализация этих требований в употреблении афористичных изречений, сформированных им из более пространных фрагментов первоисточников.

Предметом рефлексии в дневниках митрополита Вениамина Федченкова 1926-1948 гг. становится не только процесс подготовки речей и выступлений с ними, но и процесс порождения письменного текста, в том числе самих дневниковых записей. Вместе размышления о формировании устных и письменных текстов

создают метапрозаический подтекст исследуемых дневников. Рефлексии относительно устных выступлений носят общефилософский характер, что отражается в привлечении большого количества цитат из прецедентных источников, т.е. неоднократные размышления о. Вениамина имеют определенную почву в религиозном. Рефлексии же по поводу создания письменного текста, самого процесса писания носят личный, интимный характер, поэтому условно противопоставлены рассуждениям о публичных выступлениях как акты социально и лично значимые для автора дневников. Анализ рефлексий относительно процесса писания видится перспективным продолжением исследования языка дневников Вениамина Федченкова.

Список литературы

1. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: в 4-х т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246 (дата обращения: 04.11.2013).
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л. В. Беловинского. М.: Олма Медиа Групп, 2012. 576 с.
3. **Евгеньева А. П.** Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1986. Т. II (К-О). 736 с.
4. **Евгеньева А. П.** Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1987. Т. III (П-Р). 752 с.
5. **Евгеньева А. П.** Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. IV (С-Я). 800 с.
6. **Елистратов В. С.** Словарь русского арго: материалы 1980-1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматичных выражений [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=224 (дата обращения: 04.11.2013).
7. **Митрополит Вениамин (Федченков).** Дневники 1926-1948 гг. М.: Правило веры, 2008. 592 с.
8. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
9. **Русский семантический словарь** [Электронный ресурс] / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. URL: http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235 (дата обращения: 04.11.2013).
10. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I (А-К). 771 с.

LANGUAGE REPRESENTATION OF PUBLIC ADDRESSES PREPARATION PROCESS IN METROPOLITAN VENIAMIN FEDCHENKOV'S DIARIES OF 1926-1948

Panova Anna Aleksandrovna
Southern Federal University
Panyann@yandex.ru

Reference to religious figures' diaries research, who traditionally received good linguistic training, allows analyzing authorial reflections in linguistic aspect, which objects are language, elocution structure, its qualities, text writing process and so on. This article is devoted to the analysis of the reflection of ideas about ideal public address in metropolitan Veniamin Fedchenkov's diaries language of 1926-1948.

Key words and phrases: diary; religious discourse; elocution; speech qualities; citation; maxim.

УДК: 811.161.1
Филологические науки

Статья посвящена языковым средствам моделирования альтернативной картины мира. В романах Х. ван Зайчика функционируют механизмы моделирования вымышленной реальности, которые являются типичными для подобного жанра: онимы, новообразования различных типов, устаревшая и стилизованная лексика, экзотизмы и варваризмы, а также переплетение реальных и вымышленных номинаций и языковая игра. Однако большая часть приѐмов, основанных на переплетении русской и китайской культур, является результатом индивидуального речевого творчества автора и неизменной приметой его индивидуального стиля.

Ключевые слова и фразы: альтернативная история; моделирование реальности средствами языка; онимы; новообразования; языковая игра.

Полухина Яна Петровна, к. филол. н.
Тюменский государственный университет
yanessa7@yandex.ru

АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА И ЕЁ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХОЛЬМА ВАН ЗАЙЧИКА©

Жанр альтернативно-исторической прозы в последние годы востребован у массового читателя и уже нашѐл своих исследователей с позиций философии, истории и литературоведения. Специфика жанра заключается в следующем: в одном из ключевых моментов истории события по тем или иным причинам развернулись

© Полухина Я. П., 2014